

О станице Граббевской и не только о ней

*... чем глубже в десятилетия, тем меньше
осталось свидетелей, молва загасла и
затемнилось, а летописей нет...
А. Солженицын, "Архипелаг ГУЛАГ".*

Для углубленного изучения калмыцкого народа и его истории нужны научные монографии, посвященные отдельным субэтническим группам, улусам и станицам. Публикация таких трудов должна способствовать целостному познанию пройденных этапов различных компонентов калмыцкого народа. Книга П.Э. Алексеевой "Станица Граббевская (XVII век - декабрь 1943 г.). Исторический очерк" (Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1997) является первой такой монографией в калмыцкой историографии. Ее выход в свет надо горячо приветствовать в надежде, что в обозримом будущем найдутся историки, которые вплотную займутся обследованием других станиц, улусов и целых субэтнических групп.

Калмыцкое название этой некогда большой и богатой станицы являет собой пример неустойчивой орфографии ее имени: цөвднэхнэ (П. Алексеева), цөвднэknэ (П. Алексеева, К. Шовунов), цевдннэknэ (А. Борманджинов), цэвднэнкин (Б. Уланов), цевиднякин, цевидняхин, цевднякин, цевдякня и др. До 1877 г. будущие калмыцкие станицы на Дону назывались сотнями (таковых было 13), а их атаманы - сотниками. Первоначальный эпоним Цевднякинской сотни был некий Харьков, отсюда название Харьковская сотня. В 1877 г. прежние сотни были свернуты в 7 станиц, которым были присвоены имена бывших наказных и войсковых атаманов. Так, Харьковская сотня стала называться Граббевской станицей, хотя граф П.Х. Граббе прослужил донским атаманом всего лишь три года (1862-1865), в то время как граф М.И.Платов атаманствовал 17 лет (1801-1818), а генерал М.Г. Власов - 12 лет (1836-1848). По просьбе коренных жителей Граббевской станицы Войсковой съезд Войска Донского 24 апреля 1917 г. переименовал станицу Граббевскую в станицу Цевдненкинскую (ГАРО, ф. 301, оп. 10, д. 2001, л. 8). На том же л. 8 есть следующее постановление областно-

го правления Войска Донского от 3 мая 1917 г.: "О переименовании станицы Граббевской Сальского округа в станицу Цэвденкинскую".

П.Алексеева отмечает (с. 5) о выделении в 1905 г. хутора Батлаевского от станицы Денисовской в самостоятельную станицу Батлаевскую и хутора Беляевского от станицы Потаповской в станицу Беляевскую в 1910 г. Здесь будет небезынтересно дать хронологический обзор приобретения вновь статуса самостоятельных станиц прежних шести хуторов: Батлаевская 17.VI. 1905, Ново-Алексеевская 16.XII.1905, Чунусовская 12.II.1907, Эркетинская 11.XI.1908, Бурульская 22.XII.1908 и Беляевская 20.XII.1910.

Краткое предисловие (с. 3-7) содержит в сжатой форме немало интересного и неизвестного ранее исторического материала. Статистические сведения о численности калмыцкого населения на Дону по переписи 1920 г., приводимые разными источниками, показывают степень их расхождения: 10750 душ обоего пола (см. Труды Центрального статистического управления. Т. 18. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918-1923. М., 1924, с. 35; В.П. Шибаев. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Донская область (в границах 1920 г.). Л., 1930, с. 149 (табл. 65). Несколько иные цифры мы находим в Статистическом справочнике по Северо-Кавказскому краю (Ростов-на-Дону, 1925, с. 27, 472): 10579 душ в Сальском округе (4472 мужчин и 6107 женщин) и 504 чел. в Донском, Морозовском и Донецком округах. Итого, 11083 чел., из них 4680 мужчин и 6343 женщины. "Донская экономическая жизнь", № 4 за 1920 г., с. 27 сообщает, что в Сальском округе от 35600 калмыков осталось не более 5000 чел., что, конечно, маловероятно.

Здесь не излишне проследить динамику населения 1-й сотни Верхнего улуса, известной как Харьковская сотня (за неимением места источники указываться не будут). К 1846 г. состояло 1281 душ мужского пола (в дальнейшем м.п.), а во всех трех улусах донских калмыков числилось 9413 м п. По сведениям 1859 г. число жителей составило 2545 обоего пола (в дальнейшем об.п.), из них 1263 м.п. и 1282ж.п, а кибиток - 672. Статистические сведения другого источника показывают небольшое расхождение: 2560 об. п., а кибиток 692. Всего в Калмыцком округе Земли Войска Донского 21406 об. п. Другой источник сообщает следующие данные: 21585 об. п., из них 10553 м.п. и 10732 ж.п., а кибиток в трех улусах 5701. К 1 января 1871 г. на-

считывалось 3389 об. п. из них 1676 м.п. и 1713 ж.п., а кибиток - 700. Всего в Калмыцком округе состояло 26136 об. п., из них 13039 м.п. и 13097 ж.п. По переписи 1873 г. эта сотня насчитывала 1321 мп. и 1316 ж.п т.е. всего 2637 душ. В ней были 462 кибитки и 91 двор. Последняя цифра свидетельствует о том, что в этой сотне стали уже переходить на оседлый образ жизни. Всего во всех трех улусах Калмыцкого округа было 20670 об. п., из них 10452 м.п. и 10218 ж.п. Другой официальный источник приводит, однако, несколько иные цифры: 2092 об. п. коронных жителей (1037 м.п. и 1055 ж.п.), а в трех улусах Калмыцкого округа 18084 об.п., включая 206 лиц духовного звания (9037 м.п. и 9047 ж.п.), и 169 чел. отсутствовавших во время переписи, т.е. всего 18253 об.п.

В 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи. Результаты ее по Области Войска Донского были опубликованы в Новочеркасске в 1905 г. в нескольких частях. Впервые приводится распределение населения станицы Граббевской и ее хуторов: станица Граббевская 437 чел. (222 м.п. и 215 ж.п., включая 30 лиц духовного звания); хутор Пандинский (или Пандя) 617 чел., (327 м.п. и 290 ж.п.); хутор Гашун 495 ч.; (240 м.п. и 255 ж.п.); хутор Худжурта (или Худжуртинский) 414 чел., (212 м.п. и 202 ж.п.); хутор Старохурульный (Хуучн хурл) 408 чел., (213 м.п. и 195 ж.п.); хутор Сухой-Савдинский (Сявдя) 100 чел. (51 м.п. и 49 ж.п.). Последний был хутором русских поселенцев. Итого, в этой станице с ее хуторами состояло 2471 коренных жителей-ламаистов (1265 м.п. и 1206 ж.п.). Согласно последнему по времени (1913) статистическому источнику, в Граббевской станице (с хуторами) состояли 5456 об. п., из них 2911 м.п. и 2545 ж.п. Всего калмыков в Сальском округе - 30611, из них 15994 м.п. и 14617 ж.п. (Памятная книжка Области Войска Донского на 1915 г. Новочеркасск, 1915, с. 9,88). Следует отметить, что более или менее значительные расхождения и противоречия в статистических данных характерны за все упомянутые годы (1846-1913).

П. Алексеева уделила вопросу о происхождении цевднякинцев должное внимание (с. 9-10). Она приводит мнение донского исследователя И.И. Попова, историка Н.Н. Пальмова, Ц.-Д. Номинханова, ее одностаничника, и П.С. Палласа. Трудно согласиться с доводами П.С. Палласа, Н.Н. Пальмова и Ц.-Д. Номинханова о том, что уроженцы Граббевской станицы являются потомками дербетовского владельца Далай Баатыр тайджи и его сына Солом-Цереиа Этот рецензент придерживается

того мнения, что эту славную и известную станицу (в прошлом сотню) составляли потомки Баахан-тайджи. Этому немаловажному вопросу им посвящены две специальные работы, опубликованные на английском языке в ж. "Mongolian Studies" XIV (1991), с. 41-80 и XVI (1993), с. 59-63.

Автор книги пишет (с. 10), что станичные атаманы и их два помощника избирались казаками и донскими калмыками на станичных сходах сроком на 3 года, что соответствует действительности. Среди станичных и хуторских атаманов было немало и неграмотных. Небезынтересно упомянуть имена известных нам атаманов 1-й сотни Верхнего улуса: 1736-1839 Калтыкан (Калтакин) Байчахинов (Байчагинов), см. ГАРО, ф. 309, оп. I, д. 85, св. 4, л. 37а; 1865-1869 Обшульда (Абшульда, Абшудда, Абшудода) Иванов, там же, ф. 353, оп. I, ед. хр. 150 - примеры неустойчивой орфографии имен калмыков, 1875 Дмитрий Муманжинов, 1876 Абшудда Иванов; 1877-1880 Купро Давинов; 1881 Эренжен Санжинов; 1882 Букта Васькин; 1882-1884 Немгир Манунинов. Установить имена их предшественников и преемников не удалось. Права автор книги, что "даты и очередность (атаманства) требуют уточнения" (с. 37, прим. 29), что видно из нижеследующего списка атаманов за последующие годы, которые, за исключением последних четырех атаманов, у П. Алексеевой и рецензента не совпадают: 1889-1896 Хөөче Б. Цуглинов; 1897-1901 Шаши (Александр) Ш. Муманжинов; 1902 вакансия; 1903-1905 Хөөче Б. Цуглинов; 1905 вакансия; 1906-1907 Алексей С. Эленов (Еленов); 1907-1914 Андрей (Азман) Батырев; 1914 вакансия; 1914-1915 Бембе (или Басан см. Памятную книгу Области Войска Донского на 1916 г., с. 93) С. Алексеев; 1915-1916 Хөөче Б. Цуглинов; 1917-1918 Савелий (Саявк) А. Пахомкин (1878-1937). Эти сведения заимствованы из опубликованных донских источников.

П. Алексеева правдиво написала о трех трагических бегствах донских калмыков от большевиков 1918-1920 гг., их чрезвычайных лишениях, страданиях, людских и материальных потерях (с. 11). Об этих трагических для донских калмыков событиях образно писал выдающийся калмыцкий писатель в изгнании Санджи Балыков в своих двух посмертных произведениях "Сильнее смерти" и "Девичья честь", которые были опубликованы в Мюнхене в 1976 и 1983 гг. соответственно ("Девичья честь" была переиздана в Элисте в 1993 г.). Английский перевод этих двух книг С. Балыкова был издан Монгольским обществом при университете штата Индиана 1989-1990 гг.

У донских калмыков существует довольно разветвленная система родственных отношений, так называемые "ясн". П. Алексеева перечислила названия этих родов в Граббевской станица (с. 26). Названия "ясн", записанные Ц.-Д. Номинхановым, нуждаются в дополнениях, исправлениях и уточнениях. Наиболее полный и выверенный список этих родов во всех 13 станицах донских калмыков составлен этим рецензентом и автором рецензируемой книги и будет опубликован в обозримом будущем.

Исключительный интерес представляет глава о хуруле Цевднякинського аймака "Арша ламин кит" (с. 27-36) Известный монголовед А.М. Позднеев утверждает, что этот новый хурул был воздвигнут в 1907 г. См. его рукопись "Докладная записка Министру внутренних дел П.А. Столыпину с отчетом о командировке А.М. Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и Области Войска Донского с целью изучения религиозного быта калмыцкого населения ." СПб., 1910, Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки, ф. 590, ед.хр. 146, л. 68. Небезынтересно проследить очередность сменявших друг друга хурульных бакшей Граббевской станицы с конца 19-го века 1893-1897 Пурве Цуглинов, 1898-1903 Пурве Мантыков; 1904-1907 Абуша Цеденов, 1908-1909 Балдан Цебеков; 1910-1920 Абуша Т. Цеденов. Последний Цевднякинский бакша, как пишет П. Алексеева, жил на полулегальном положении в селе Шуста Западного улуса Калмыцкой АССР и умер там осенью 1942 г (с. 31).

Информация автора книги о станичных и хуторских училищах ее родного аймака чрезвычайно ценна, т.к. она приводит имена всех учителей, как калмыцких, так и русских. Среди них упоминаются ее дяди Абуша Апелевич Алексеев (1883-1948) и Эрдне Апелевич Алексеев (1892-1944), ее отец (с. 32). П. Алексеева дважды (с. 12, 32) упоминает бывшего учителя Басана Б. Кушлынова как эмигранта первой волны, вернувшегося с женой и сыном в 1927 г и затем репрессированного. В 1931 г. пишущий эти строки в 8-летнем возрасте был отправлен родителями из Белграда в Прагу для поступления в начальную русскую школу при тамошней русской гимназии. Первые несколько месяцев по приезде в Прагу я жил в семье Б. Кушлынова. По всей вероятности, он вернулся в 1932 г. с группой гимназистов старших классов и студентов.

О полковнике А.А. Алексееве можно было написать больше. Лишь чувством скромности автора книги следует объяснить

тот факт, что своему дяде она уделила всего три страницы (с. 39-41). Он был деловой человек *par excellence*¹. Как метко охарактеризовал С.Г. (псевдоним Ш.Н. Балинова) в своем некрологе полковника Алексеева: "Полковник Алексеев принадлежал к тому типу общественных работников, которые мало говорят, еще меньше рекламируют свою работу, но всегда что-нибудь делают и в большинстве случаев делают хорошо". (газ. "Обозрение", № 27. 21.1.1948, с. 5). Интересны сведения о полковнике Андрее А. Батыреве (с. 41-43). К сожалению, нам неизвестны даты его рождения и смерти. В 1907-1914 гг. он занимал должность атамана своей родной Граббевской станицы. В 1-ю мировую войну А. Батырев попал в плен к немцам. Из немецкого плена он, по всей вероятности, вернулся в 1918 г. Мы не располагаем достоверными сведениями о его участии в гражданской войне, во время которой он дослужился до чина полковника. Почти все годы изгнания он проживал в сербском селе Ясенове, в провинции Банат, в 65 км к северо-востоку от Белграда по прямой линии. Умер он там же в начале 1940-х гг.

Страницы 49-54 посвящены Церен-Дорджи Номинханову, настоящая фамилия которого Юнзуков. Они читаются с большим интересом. Кроме Юнзуковых во Франции, в сербском городе Велика Кикинда, в провинции Банат до сих пор проживают сын и три дочери покойного Доба Юнзукова, уроженца Граббевской станицы. С этой семьей я познакомился еще в 1960 г.

Особенно ценны и важны три приложения (с. 56-169), заключающие в себе поименные списки одностаничников автора книги. Эти списки граждан Граббевского сельсовета Ремонтненского района Сельского округа, изъявивших желание переселиться в Калмыцкую автономную область (1929), семей уроженцев Граббевской станицы, выселенных в 1943-1944 гг. из различных населенных мест в Ростовской области и Калмыцкой АССР в Сибирь и Среднюю Азию, и, наконец, уроженцев станицы Граббевской, ветеранов войны. При составлении этих списков П. Алексеева проделала поистине огромную работу. Приводимые ею в этих списках разные сведения очень ценны, т.к. они были добыты путем опроса родственников, земляков, односельчан и изучения доступных ей архивных данных. В большинстве случаев указан состав семьи. Есть сведения о погибших на фронте, умерших в пути следования и в местах ссылки, откуда выселены, где поселены и т.д. Иллюстрации в конце книги лишь обогащают этот фундаментальный труд.

Я не раз читал в элистинских изданиях, что Наран Э. Уланов был генштабистом. По правде сказать, он не был выпускником Академии генерального штаба. Таковым не был ни один калмык. Н. Уланов, не имевший формально среднего образования, был допущен в нее как вольнослушатель. Эренжен Л. Яманов умер осенью 1913 г. в возрасте 33-34 лет во время подготовки в Николаевскую Академию генерального штаба. Интересно сообщение автора книги, что известный донской войсковой конный завод Провальный в произношении калмыков назывался "Парвалин завод" (с. 37, прим. 3). Такое произношение закономерно, т.к. в калмыцком языке стечение согласных в начальном слоге (Провальный) недопустимо, а потому оно устранивается путем эпентезы. Для незнающих Баварию хочу отметить, что Фельдмохинг является северным предместьем Мюнхена (с. 41).

Рецензируемая книга П. Алексеевой – это уникальное издание, которое является результатом ее бескорыстного труда. Она, безусловно, приложила много сил в процессе сбора надежных источников информации не только о Граббевской станции. Такие изыскания помогут воссоздать целостную картину исторической жизни донских калмыков. Мы должны быть благодарны автору книги за ее превосходный исторический труд.

¹ *par excellence* (фр.) – в высшем смысле слова